

В коридоре снова погас свет, и женщина с досадой вздохнула.

Цок, цок, цок.

Ее каблуки гулко отдавались в полумраке длинного коридора. Пламя свечи в ее руке неровно дрожало, отбрасывая на лестничную площадку позади нее длинную, искаженную тень. Дождь яростно барабанил по стеклам, ветер завывал пронзительно и неприятно, и сквозь этот гул временами доносился глухой грохот падающих деревьев.

Раздался скрип — открылась деревянная дверь. В комнате горел мертвенно-бледный свет. На роскошной кровати в ретро-стиле лежал молодой человек. Его лицо отливало синевой, но уголки губ подрагивали в легкой улыбке, словно он погрузился в самый сладкий сон.

Женщина стояла у кровати, любуясь безмятежным видом возлюбленного, и довольно склонила голову набок. Она открыла шкафчик, достала маленький нож, который тускло поблескивал в свете ламп, и откинула ледяное одеяло. В груди юноши зияла дыра; черная грязная кровь была уже тщательно вычищена. Вспоминая вкус сердца, женщина облизнула губы и, не в силах больше ждать, взялась за нож, принявшись медленно, слой за слоем, разрезать кожу по линиям мышц.

Хаммонд продолжал писать свою историю. Очнувшись от раздумий, он обнаружил, что на улице уже стемнело. Он неспешно спустился вниз, собираясь отправиться на поиски очередного изысканного блюда от Хиллста — в конце концов, после такого тяжелого дня нужно было себя побаловать.

Уже стоя перед дверью, Хаммонд вдруг вспомнил того юношу и усмехнулся. В тот раз он специально спрашивал об этом Эрика, но оказалось, что в ресторане вообще не было человека с таким описанием. Вспомнив, как Санди жалобно плакалась ему на плохого менеджера, он хмыкнул:

— Лжец. Но такой ход событий ему нравился даже больше: каждая встреча становилась новой историей, не нужно было ничего планировать специально, всё отдавалось на волю судьбы. Он любил внезапные сюрпризы.

Он поправил рукава, совершенно не осознавая, что в последнее время стал выбираться из дома гораздо чаще.

Хаммонд открыл дверь и тут же издал глухой стон, когда в него врезался юноша. Он отступил на шаг назад, машинально подхватив Санди за мягкий живот. Почувствовав под ладонью мерное дыхание, он непроизвольно пошевелил пальцами и странно замолчал.

Санди, всё ещё тяжело дыша, откинулся назад — дверь, на которую он опирался, внезапно открылась. Почувствовав, как его крепко удерживают, он весь напрягся, а когда чьи-то пальцы на его животе скользнули по коже, он вздрогнул, с силой оттолкнул чужую руку и, резко обернувшись, свирепо уставился на человека перед собой.

Уголки губ Хаммонда приподнялись. Лоб юноши был покрыт испариной, капли пота стекали по

щекам, смывая слой дорожной пыли и обнажая светлую кожу, из-за чего лицо, измазанное серыми полосами, выглядело довольно комично.

В его влажных чёрных глазах читались нетерпение и настороженность. Белая длинная одежда насквозь пропиталась потом, и от холодного осеннего ветра юноша невольно съёжился.

Хаммонд по-джентльменски отступил на шаг и поднял руки, изображая невинность. В голове у него вертелась лишь одна мысль: какой же он грозный, — в то время как он бессознательно продолжал вспоминать мягкое прикосновение к чужому телу.

Санди только что пережил смертельную погоню и никак не ожидал наткнуться на знакомого. Глядя в эти невероятно нежные голубые глаза, он невольно сглотнул.

— Мистер...

Произнеся это, Санди замер: голос прозвучал хрипло, слабо и надтреснуто. Он тут же замолчал, уголки его бровей опустились, глаза наполнились влагой, алые уголки глаз выглядели потрясающе красиво, губы чуть приоткрылись, а изящные пальцы сжимали влажную рубашку — вылитый беззащитный, обиженный малыш.

— М? — Хаммонд всё с тем же легкомысленным видом, полный нежности и беспокойства, в душе, однако, ухмылялся: — Снова встретились, юноша, но что с вами случилось?

«Добрый» джентльмен заботливо давал время, чтобы бедный ребёнок не так сильно нервничал.

По крайней мере, внешне всё выглядело именно так.

Мозг Санди работал на предельной скорости: он ещё не до конца оправился от только что пережитой захватывающей погони, тело было усталым, но мозг — возбуждённым. Что мне сказать?

— Сюда, вы не могли бы мне помочь? — запинаясь, произнёс он, готовый вот-вот расплатиться слезами, и, казалось, возложил всё своё доверие на этого милейшего господина.

— М-мой отец тяжело заболел и умер, раньше он проиграл в азартные игры кучу денег, и теперь эти люди пришли устраивать беспорядки и требуют, чтобы я вернул долг, но я правда ничего не могу поделать, я не умею читать, у меня нет работы, а они всё преследуют меня...

Юноша говорил сбивчиво, капля за каплей скатывались слёзы, на полуслове он задохнулся от плача и всхлипнул. У Санди было красивое, утончённое лицо, но он забыл, что всё оно испачкано в саже.

— Не спешите, я слушаю.

Джентльмен слегка наклонился вперёд и протянул носовой платок, его низкий голос внушал доверие, а в ночной темноте глаза казались глубокого синего цвета.

Фальшь, — беззаботно думал он, всё же немного банально, — Хаммонд вздохнул, чувствуя лёгкую досаду.

— Господин, вы не могли бы приютить меня на одну ночь? Я уйду завтра же рано утром и ни за что не стану вас утруждать!

Санди широко раскрыл свои влажные глаза и в упор уставился на мужчину, крепко сжав руки

перед грудью, напоминая о милосердии и в то же время нервничая, но заметил, что человек перед ним замялся.

Мужчина притворился поставленным в тупик и виновато посмотрел на Санди; он видел, как только что утихшие слёзы юноши хлынули с новой силой — жалкого, совсем как никому не нужное брошенное котёнок у дороги.

Хаммонд выказал на лице сострадание, но в душе продолжал оценивать юношу.

Санди увидел, как на лице мужчины капля за каплей исчезает выражение нерешительности, и наконец успокоился — он уже почти выбился из сил плакать.

— Ладно, я согласен. — «Добрый господин» Хаммонд легко похлопал юношу по плечу, давая согласие.

— Спасибо вам, господин!

Санди перестал плакать, его брови изогнулись дугой, слёзы уже смыли часть грязи, а только что он ещё и утёр лицо платком, так что теперь открылось прекрасное лицо юноши: чёрные волосы, чёрные глаза, а на нежной, белоснежной коже играл лёгкий румянец.

Он улыбнулся так сладко, что на левой щеке образовалась крошечная ямочка, которая в тусклом ночном свете казалась почти светящейся.

Сердце джентльмена пропустило удар, но прежде чем он сам успел это осознать, всё вернулось в норму.

Он тоже улыбнулся и бессознательно потрепал Санди по голове — чёрные волосы оказались мягкими и гладкими, слегка влажными на ощупь, а заметив, что юноша неловко и напряжённо замер, он с озорством потрепал его ещё пару раз.

Дверь со скрипом закрылась, мелькнул мягкий тёплый свет, и две тени медленно растворились.

<http://bllate.org/book/21856/2267743>